

ВОСПОМИНАНИЯ ИПОЛИТА ПАНАЕВА

Публикация С. Рейсера

Воспоминания о Некрасове, принадлежащие Иполиту Александровичу Панаеву (1822—1901), двоюродному брату редактора «Современника»— Ивана Ивановича Панаева, полностью печатаются впервые по автографу, хранящемуся в Институте литературы Академии Наук СССР. Автограф — черновой, с рядом карандашных поправок; поступил от сына И. А. Панаева — Александра Иполитовича Панаева. Отрывки были опубликованы в статье В. Евгеньева-Максимова «Некрасов в роли редактора-издателя «Современника» («Современник» 1913, № 7; перепечатано в его книге «Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов», М., 1914, 129—137). Кроме того, несколько строк были использованы К. И. Чуковским в его статье «Под литературным бойкотом» («Звезда» 1929, № 11; перепечатано под заглавием: «Николай Успенский и Некрасов» в книге: «Рассказы о Некрасове», М., 1930). Один отрывок, в совершенно иной редакции, был напечатан самим Ип. Панаевым в «Новом Времени» (1889, 18 января, № 4630).

Первоначальный текст, в котором имя Н. В. Успенского не было названо, был написан¹ до появления в печати клеветнических воспоминаний Успенского (первоначально: «Развлечение» 1888, 11 сентября, № 20—21²; отдельное издание — в Москве в 1889 г.). Прочтя в «Новом Времени» от 29 сентября 1888 г. перепечатку нескольких отрывков из этих воспоминаний, Иполит Панаев выступил в печати с документальным опровержением рассказа Успенского.

Сохранившиеся в архиве ИЛИ конторские книги редакции «Современника» полностью подтверждают точность расчетов Ип. Панаева.

Счет «Современника» с Н. В. Успенского представляется в следующем виде:

До 1 января 1858 г. Успенскому выдано	225 р. 00 к.
В 1859 г.	855 р. 00 к.
	<u>1 100 р. 00 к. <?>³</u>
Заработано за это время	471 р. 86 к.
Долг к 1 января 1860 г.	628 р. 14 к.
В 1860 г. выдано	1 216 р. 01 к.
Заработано	267 р. 18 к.
Долг к 1 января 1861 г.	1 576 р. 97 к.
В 1861 г. выдано	1 389 р. 79 к.
Заработано	123 р. 12 к.
Долг к 1 января 1862 г.	2 838 р. 64 к.
В 1862 г. выдано	60 р. 00 к.
Заработано	46 р. 88 к.
Долг к 1 января 1863 г.	2 851 р. 76 к.
За 1863 г. книга не сохранилась	
Сведений о выдаче нет	
Заработано, повидимому,	538 р. 21 к.
В книге 1864 г. остаток долга к	
1 января 1864 г.	2 313 р. 55 к.

Таким образом, за все время редакцией «Современника» было выплачено Успенскому 3 765 р. 80 к., а заработано им за то же время 1 452 р. 25 к.

В книге 1864 г. записей о выдаче заработков нет. Счет Успенского заключается следующей записью: «Списываются должные г. Успенским редакции деньги в убыль по распоряжению Н. А. Некрасова 2 313 р. 55 к.»

Возникшая не столь давно в литературе полемика о Н. В. Успенском и его отношениях с Некрасовым и редакцией «Современника» может считаться окончательно завершённой статьями К. И. Чуковского. См. его работы: «Под литературным бойкотом. Николай Успенский и Некрасов» («Звезда» 1929, № 11; перепечатано под заглавием «Николай Успенский и Некрасов» в кн.: «Рассказы о Некрасове», М., 1930); «Судьба Николая Успенского» («Новый Мир», 1930, № 3, более полно перепечатано в изд.: Н. Успенский. Собрание сочинений, Гиз, 1934); ср. также статью: «Н. Успенский, его жизнь и творчество», в изд.: Н. Успенский. Сочинения, «Academia», 1933, I. Попытка воскресить старую точку зрения была сделана в статье М. И. Успенского (племянника Н. В.) «Н. В. Успенский и Н. А. Некрасов» («Известия Академии Наук СССР», VII серия, Отделение общественных наук, 1932, № 7). Эта статья вызвала блестящий ответ К. И. Чуковского, завершивший полемику: «Реакционная легенда» («Литературная Газета» 1933, № 17).

Не внося ничего существенно нового, воспоминания Ип. Панаева ценны общим тоном искренней любви и привязанности к поэту. Характеристика, данная близким к Некрасову в течение ряда лет человеком, связанным с ним не только служебной работой в конторе «Современника», но и дружбой, заслуживает внимания и доверия.

Об Ипполите Панаеве и его роли в кругу Некрасова и редакции «Современника» см. в примечаниях к письмам А. Я. Панаевой к Ип. Панаеву, публикуемым во втором томе настоящего издания, и в моих примечаниях к переписке Добролюбова с И. А. Панаевым («Литературное Наследство», № 25—26, 266).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ На обложке рукописи воспоминаний поставлена дата: «1903». На листе 2-м карандашом — «1889». Обе эти даты ошибочны. Судя по первоначальной редакции абзаца на стр. 544: «Вскоре по прекращении журнала (около 12 лет тому назад), — воспоминания начали писаться в 1878 г., т. е. вскоре после смерти Некрасова.

² Обычно указывается неверно: 1889, № 22—23. Любопытно, что воспоминания Успенского тогда же вызвали не отмеченный до сих пор в литературе протест в статье «Н» (Вас. Дм. Коровина, См. И. Масанов, Словарь псевдонимов... № 17042), «Воскресные наброски» в «Новостях Дня» (1888, 18 сентября, № 1869, 2) и ответ редакции «Развлечения» (1888, № 24—25, 25 сентября) в заметке: «Тоже защитники».

³ Вместо 1080 р. — ошибка в документе.

О НЕКРАСОВЕ

С Николаем Алексеевичем Некрасовым я, пишущий эти строки, был знаком более тридцати лет. Многих, еще при жизни его, занимал вопрос: таков ли Некрасов в действительности, каким можно было предполагать его, судя о нем по его сочинениям? В обществе часто заводили разговор об этом, и многие, зная мое близкое знакомство с ним, обращались ко мне с подобными вопросами. После смерти Н. А. вопросы не прекращаются, и раз даже один преподаватель словесности говорил мне, что ему весьма важно иметь настояще понятие о личности Некрасова, потому что он (преподаватель) находится часто в затруднении отвечать что-либо с уверенностью на постоянные вопросы своих учеников о нравственных качествах народного поэта.

Я хорошо знал Некрасова и никогда не сомневался в добрых и достойных полного уважения качествах его сердца. Поэтому вопросы о нем, в которых порою звучала как бы нота иронии и проглядывало некоторое злорадование, задевали меня за живое. На Некрасова взводили множество небылиц и распускали про него немало самых возмутительных клевет.

И. А. ПАНАЕВ, ЗАВЕДЫВАВШИЙ КОНТОРОЙ
РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОГО»

Фотография 1861 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Отвечать на вопросы я никак не мог хладнокровно. Каждому спрашивающему я объяснял подробно всю нелепость ходивших слухов и, в подтверждение моих уверений, вызывался представить доказательства, — а что я мог это сделать, читающий эти строки увидит из того, что будет изложено ниже.

Прежде нежели буду говорить о некоторых частностях, которые играли немалую роль в составлении об Н. А. мнения, — скажу несколько слов о том, каким человеком вообще я сам разумел Некрасова.

Для публики важно знать: существовало ли противоречие между всем прекрасным и добрым, наполнявшим его произведения, и нравственными качествами того, кто так хорошо выражал это прекрасное и доброе? существовал ли разлад между добрым чувством, выраженным прекрасным стихом, и чувством, живущим в сердце поэта?

На это я твердо и не колеблясь отвечаю: никакого разлада не было. Некрасов по своим нравственным качествам не противоречил вовсе тому образу, который рисовался воображением многих не знавших его читателей его таланта.

Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно простой; но достаточную твердость характера он не обладал. Обстоятельства сложились так, что ему, почти всю жизнь, пришлось проводить в полуофициальных кружках. Это не была его естественная среда, а потому в ней он не мог чувствовать себя свободным: внутренние движения были связаны, женированы; сердце — сжато. Вследствие этого, несмотря на врожденные мягкость, снисходительность и простосердечие, внешние приемы казались иногда сухими, угловатыми и от них как бы веяло холодом.

Смолоду он был чрезвычайно застенчив в обществе и сам сознавался в этом, сказав:

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроторная, жесткая,
 Не в улыбку улыбка моя,
 Пошутить захочу — шутка плоская
 Покраснею мучительно я¹.

С годами таковая застенчивость стала выражаться (говоря его же словами) «маскою на ружного холода» и тем, что называется: *shut out*. Недостаток этот, т. е. эти *shut out*, развивается у всех людей, вступающих в хлопотливое, спешное дело и обязанных болтать, когда не хочется говорить, — видеть многих, когда желаешь видеть только близких или когда даже не хочешь никого видеть, и, приходя к Некрасову в такие недобрые минуты, я бывало сижу несколько времени у него молча. И он молчит, лежа, читая или дремля... А потом вскоре... снег растает и растает непременно... Чувствовать обиду, как бы наносимую холодностью приема, тому, кто знал характер Некрасова, было невозможно.

Но не все были ему близки, а потому нет ничего удивительного, что многие судили о нем, как о человеке неприветливом и холодном.

Не знали многие и того, что Николай Алексеевич никогда не пользовался полным здоровьем и долго думал о себе так, как когда-то и выражался:

Цветут, растут колосья наливные,
 А я чуть жив².

Нервы его были сильно распатаны и раздражены; особые обстоятельства его грустной молодости, известные его близким, не могли не отзываться на настроении его духа, и правдив был поэт, говоря:

Но рано надо мной отяготели узы
 Другой, не ласковой и не любимой Музы³.

Да, повторяю еще раз: это, в сущности, был самый простой человек, человек с настоящею примитивною русскою натурой, — бесхитростный, веселый и грустный, способный увлекаться и весельем и горем до чрезмерности, не рассчитывающий на завтрашний день и живущий этим русским: «авось», на которое мы часто негодуем, но в глубокий смысл которого никогда не вникаем.

Жизнь полуофициальная, жизнь в Петербурге была его искусственною... Истинная натура его проявлялась при другой обстановке, проявлялась в кругу близких, простых, невысокоумных людей, в кругу людей, ничего от него не ожидающих и не состоящих с ним в каких бы то ни было делах. Летом он обыкновенно уезжал в деревню. Там иногда он уходил из своего дома на несколько дней охотиться с своими приятелями крестьянами-охотниками, проводя дни и ночи с ними и ночуя по разным деревням, в избах своих приятелей-крестьян. Вот в этой-то среде, — я уверен, — он, как говорится, был в своей тарелке, — веселый, свободный, не женированный и бодрый. Я видал его по возвращении из таких странствований по лесам и болотам, продолжавшихся несколько дней, довольного, свежего и в самом хорошем расположении духа. Вспомним посвящение его «Коробейников» другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии):

Как с тобою я похаживал
 По болотинам вдвоем,
 Ты меня почасту спрашивал:
 Что строчишь карандашом?

Житейская обстановка Некрасова должна была бы устроиться подобно простой и увлекательной обстановке другого народного певца, именно — Беранже: кружок близких приятелей, сельская природа и отсутствие всяких непосредственно касающихся его, смущающих интересов и дел. Беранже имел характер устроить так свою жизнь; у Некрасова характера на это нехватало, и он поплатился за это чувством постоянного стеснения в течение своей полуофициальной жизни, живя в противоречии с своими настоящими сердечными потребностями и вкусами.

Вопросы посторонних лиц о нравственной личности Некрасова скоро сходили и сходят <к вопросу> об отношениях (т. е. денежных отноше-

«ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ»

Картина маслом А. Рылова, 1904 г.

Русский музей, Ленинград

ниях) его, как издателя и редактора журнала, с другими литераторами, участвовавшими в издаваемых им журналах.

Если кто-либо усумнится в компетентности моего суда о характере Некрасова вообще, то уже в ответе на последние вопросы усумнившийся должен будет признать вполне мою компетентность, когда узнает, что в период существования журнала «Современник», издаваемого Н. А. Некрасовым совместно с двоюродным братом моим Иваном Ивановичем Панаевым, я в течение 10 лет заведывал хозяйственной частью журнала, и при жизни Панаева, и после его смерти.

Все распоряжения по расчетам с сотрудниками мне были известны, и уплата производилась чрез мои руки. До сих пор у меня целы приходо-расходные книги с расчетами и расписки получателей⁴. Сохранял я это все для того, чтобы иметь, на всякий случай, доказательство для опровержения взводимых на Некрасова клевет. Я мог бы заговорить ранее, и при его жизни, и много раз хотел это сделать; но Николай Алексеевич

не допускал меня привести в исполнение мои намерения, говоря, «что можно сделать это когда-нибудь, после, тогда, когда его не будет» *.

И в этом случае он думал так, как и написал:

Что ты, сердце мое, расходилось?..
 Постыдись! Уж про нас не впервой
 Снежным комом прошла — прокатилась
 Клевета по Руси, по родной.
 Не тужи! Пусть растет, пусть катается.
 Не тужи! Как умрем,
 Кто-нибудь и об нас проболтается
 Добрым словом!⁶

Замечание мое о том, что я могу умереть прежде его, Н. А. оставлял обыкновенно без ответа и оканчивал какою-нибудь добродушною шуткой.

В памяти моей (могущей, впрочем, всегда быть проверенной упоминаемыми выше книгами) осталось ясным, что расчеты с участвующими в «Современнике» постоянными и случайными сотрудниками, по распоряжениям и желаниям как Н. А., так и И. И. Панаева, производились самым широким образом, — производились так широко и нерасчетливо, что для текущих и необходимых расходов по изданию не раз встречались затруднения, вынуждавшие прибегать к займам. Затруднения отстранялись также иногда только благодаря субсидиям, даваемым Некрасовым из своих собственных денег, полученных им из источников, посторонних журналу и о которых я скажу ниже.

При этом надо заметить, что и Некрасов, и И. И. Панаев в денежном отношении пользовались выгодами, доставляемыми журналом, весьма умеренно и иногда получали менее, чем их постоянные сотрудники. Не говоря уже о последних, несколько литераторов, едва вступивших на литературное поприще, кроме значительной полустойной платы, получали ежемесячное содержание, что, по мнению Некрасова и И. И. Панаева, было необходимо для того, чтобы поддержать начинающих и дать возможность развиться замечаемым в них некоторым признакам таланта. Без всякого соображения с финансовым состоянием журнала многим деньги выдавались вперед, в счет будущих работ, — на неопределенное время. На замечания мои, что деньги расходуются несвоевременно и ставят издание в затруднение, — Некрасов часто говорил, что если денег у журнала нехватит, то для необходимых потребностей издания он даст свои собственные деньги, что неоднократно и делал.

Приходившие ко мне за получением следуемых им денег часто заявляли мне, что от Некрасова уже прежде получена ими такая или другая сумма, тогда как я об этом ничего не знал. Такие выдачи из своих денег Н. А. производил беспрестанно; но, несмотря на весьма частые тогда свидания со мною, забывал говорить о выданных деньгах. Я просил его много раз выдачи записывать; дал ему для записывания большую графленную книгу, а человек его ** купил ему большой карандаш, в палец толщиной и чуть ли не в аршин длиною (карандаш для черчения шаблонов), так как Николай Алексеевич уверял, что не записывает оттого, что не на-

* Этот мой отзыв о Некрасове был написан мною вскоре после его смерти, и я распорядился, чтобы он непременно был напечатан после моей смерти. Ввиду предстоящего выпуска в свет его биографии отдельной книгой, я решил отдать мною написанное в распоряжение составителя биографии⁶.

** Человек этот уже много лет живет с семьею своею барином в купленном им себе доме — в одном из дачных городков близ Петербурга. На похоронах Некрасова я узнал, что он получал от Н. А. ежемесячный пенсioen и что пенсioen этот, по завещанию Некрасова, должен выдаваться и наследниками Некрасова — до конца жизни того, кому он назначался⁷.

ходит во-время карандаша, зарывающегося вечно под корректурными листами, газетами, рукописями и другими бумагами. Но ничего не помогало: книга осталась совершенно чистою, и я насилу мог добиваться раза два или три в год, чтобы он уделил часок на припоминание сделанных им выдач. Припоминание происходило в моем присутствии: Н. А. брал, наконец, листок бумаги и записывал (обыкновенно лежа) то, что мог вспомнить. Разумеется, при этом немало сделанных выдач не было записано; он или действительно не припоминал их, или не хотел вспомнить, и я имею основание думать, что не одна тысяча рублей осталась незаписанною⁸.

Много талантов Н. А. предугадал и многим, своевременным пособием в трудное время, дал развиваться. Имена таких лиц известны не мне одному. Выдачи вперед, постоянные ежемесячные содержания многим лицам производились несмотря на то, что интересы издателей сильно страдали. Почти всякому обращающемуся к ним деньги выдавались вперед. Некрасов, распорядившийся выдачами с согласия И. И. Панаева, никак не мог решиться отказать в выдаче просившему. Одному деньги выдавались по случаю болезни; другому — по случаю поездки за границу; третьему — по случаю выезда из Петербурга в провинцию или приезда из провинции и т. д. На средства «Современника» поддерживались семьи бывших сотрудников, воспитывались малолетние братья одного умершего литератора... «Если денег нехватит для издания — я дам в кассу свои деньги», — говорил мне постоянно Некрасов.

Помню один случай. Раз, когда касса журнала была почти пуста, я приехал к Некрасову, поставил ему на вид все обстоятельства дела, и он убедился, что выдач вперед в том году решительно невозможно делать, потому что предстояли по изданию разные необходимые уплаты, а на приход могли поступить лишь ничтожные суммы. «Не буду выдавать решительно: нечего делать», — сказал он.

Только что мы кончили наш разговор и пришли к твердому решению, как явился один из писателей, наших должников, объявил Н. А., что

НЕКРАСОВ

Фотография М. Тулинова, 1861 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

он хочет ехать в деревню, и просил у него денег вперед. Под влиянием только что оконченного разговора Н. А. сказал: «Денег-то у нас нет; да вы, кажется, еще и нам должны». — Да, — отвечал пришедший, — но здесь положительно ничего не могу делать... А вот поеду в деревню... Там на свободе, в лесах, в лугах... Вы, конечно, это понимаете... Я буду работать даром и прихлшу вам работу. — Некрасов молчал... Потом, не глядя на меня, потянулся за бумагой и написал записочку о выдаче из конторы денег. Когда упоминаемый господин ушел, мы оба рассмеялись. «Нельзя, друг, — говорил Некрасов шутя, — что делать: всякому нужны деньги». Подобные слова он повторял мне неоднократно на замечания мои о чрезмерных расходах, стесняющих дело ⁹.

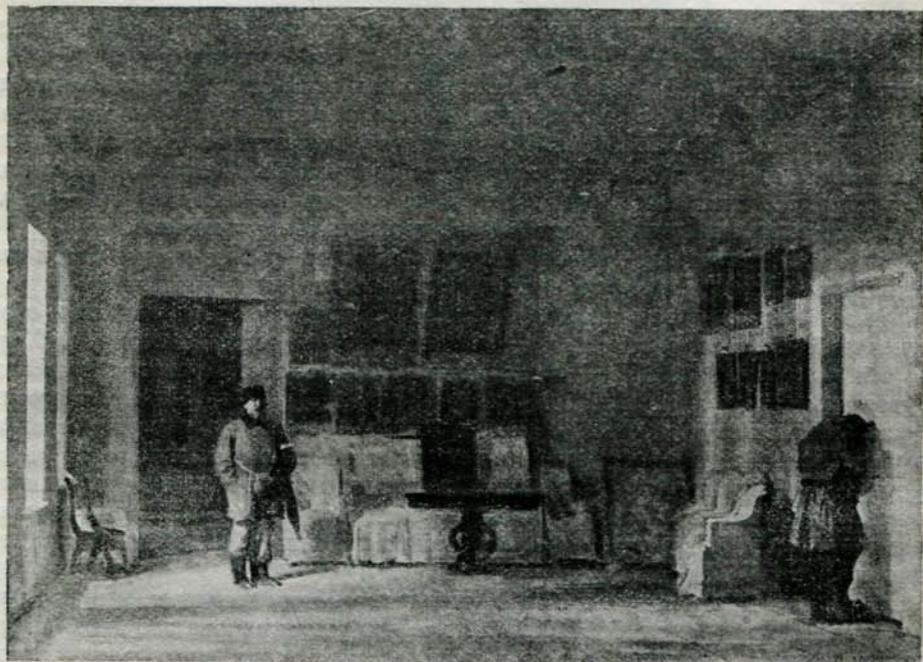
Был еще один случай, о котором я и до сих пор не могу вспоминать равнодушно. К Некрасову явился раз один молодой человек (обозначим имя его знаком X.), без всяких средств, и принес ему маленькие статейки. Они были написаны интересно, и в авторе Некрасов находил зародыш таланта. Так как молодой человек, как я уже упомянул, был без средств, Н. А. распорядился о выдаче ему ежемесячно по 75 рублей и, кроме того, об уплате за помещаемые коротенькие статейки, сколько мне помнится, тоже по 75 рублей с листа. «Надо поддержать молодого человека; из него выйдет писатель» ¹⁰.

Выдачи производились не короткое время. Имея в виду бесспорно благую цель издателей, расход этот я делал охотно. Молодой человек часто приходил ко мне за деньгами, и мне очень приятно было видеть, как он становился на ноги. Раз, тогда, когда уже за ним числилась значительная сумма, он, придя ко мне, объявил, что решил ехать за границу и что Некрасов дает ему средства на это. О выдаче денег он принес от Н. А. записку. Деньги на путешествие были выданы, и молодой человек уехал. Но месяца через два или три, вероятно соскучившись за границей (иностранных языков он не знал), X. написал, что желает возвратиться в Россию, и просил о высылке ему на возвращение денег ¹¹. Это было летом, и Н. А. случайно тогда приехал на несколько дней в Петербург. В кассе денег было очень мало, и я потому сказал Некрасову, что г. X. действует уже слишком бесцеремонно и что денег в настоящее время послать не из чего. Н. А. согласился со мною, но на этот предмет дал свои деньги и написал молодому человеку письмо, которое, прочитав, я послал с деньгами ¹². В письме этом Некрасов говорил, что желание возвратиться пришло г. X., вероятно, потому, что он совестится расхотать «современниковские» деньги, вспоминая, что он уже и без того должен, что совестится не для чего, так как г. X. молод и успеет рассчитаться с ним работою. Пусть же он, г. X., продолжает свое путешествие, сколько это будет нужно или для его здоровья, или для его удовольствия, а о долге своем бросит беспокоиться.

Письмо было полно самой добродушной и деликатной веселости, самых искренних и ободряющих выражений.

Через несколько времени г. X. вернулся, снова стал получать помесечные деньги; потом вдруг прервал всякие сношения с «Современником», разумеется, не рассчитавшись с ним и распустив про Некрасова самую возмутительную клевету касательно денежных с ним отношений, основываясь на нелепейшем предположении о мнимых выгодах, которые Н. А. мог извлечь от издания им, Некрасовым, на свой собственный счет, собрания статей г. X., помещенных в «Современнике», отдельной книжкой; тогда как суммой, которая могла бы выручиться от продажи экземпляров, не могла бы выручиться и $\frac{1}{4}$ должной г. X. «Современнику» суммы. Н. А. так мало заботился об издании, что напечатанные листы для книги лежали в типографии несколько месяцев и лежали в таком виде и тогда, когда г. X. стал распустать свою клевету. Когда мне передали о последней,

я не хотел верить, но, убедившись, отправился к Некрасову и рассказал ему об этом. Н. А. не вознегодовал, как я имел право ожидать. «Ничего нет удивительного,— сказал он,— не в первый раз... Напрасно ты так волнуешься. Он еще вчера взял у меня деньги (сколько мне помнится, 500 р. с.)». Я предлагал Н. А. тотчас же изблечить г. Х. У меня в руках для этого были все средства. Я хотел вывесить на стене конторы журнала, бывшей при книжном магазине, счет г. Х. На одной стороне было бы указано число напечатанных листов в «Современнике», на другой все сделанные г. Х. выдачи с подлинными расписками его в получении денег. Из счета

ОСМОТР СТАРОГО ДОМА

Картина маслом И. И. Крамского, 1873

Третьяковская галлерей, Москва

было бы ясно видно, как поддерживался и как рассчитывался за работу г. Х. Некрасов не согласился на мое предложение, несмотря на то, что я сильно настаивал: «и к чему, говорил он: — когда-нибудь узнают, что все это вздор. Вот я его позову и вымою ему голову». Действительно, Некрасов позвал г. Х. к себе... но дело кончилось тем, что Н. А. его не похвалил. Между тем клевета распространилась, и, несколько лет спустя, мне пришлось опровергать ее в Вене в разговоре с одним знакомым мне студентом, австрийским славянином.

Вообще выдачи из кассы «Современника» делались в таких размерах, что у издателей никогда ничего к концу года не оставалось. После смерти Ив. Ив. Панаева не осталось ни гроша. Если бы у Некрасова не было денег, не зависимых от журнала, то он сам, конечно, тоже был бы без гроша,— когда дело продолжалось всё таким же образом.

После смерти И. И. Панаева издание журнала продолжалось. Выдав единственной наследнице И. И. Панаева, взамен права ее на половинную часть выгод, могущих получиться от издания, 50 т. рублей сер.¹³, Н. А.

остался уже один хозяином дела, которое шло тем же порядком до тех пор, пока «Современник» издавался. Одним словом, резюмируя все, что сказано мною касательно денежных отношений с сотрудниками «Современника», я скажу, что по сохранившимся у меня книгам и распискам, всякий сомневающийся может убедиться, что таких лиц из сотрудников журнала, которые не остались бы должными «Современнику», очень мало и общая сумма долгов представит значительно крупную цифру.

А между тем, в течение издания, несмотря на затруднительное порою положение кассы и свои собственные нужды, ни Некрасов, ни И. И. Панаев никогда не поминали о долгах и не допускали, чтобы контора делала сотрудникам либо прямые или косвенные напоминания.

Вскоре по прекращении журнала¹⁴ я уехал из Петербурга, и мои деловые отношения с Некрасовым кончились, но дружеские отношения со мною и с моими братьями не прекращались никогда. Несколько лет назад, возвратившись из-за границы, я ему рассказал, что распускаемые клеветы проникли и в Венский университет, как я об этом говорил выше, и напомнил ему, что у меня хранятся все документы, могущие блестящим образом изобличить клеветников. «Это хорошо, — сказал он, — может быть, это когда-нибудь понадобится», и не прибавил ничего.

Выше мы упоминали несколько раз о том, что у Некрасова были свои деньги, а потому нас могут спросить: какие это были деньги?

Николай Алексеевич получал значительные суммы от издания своих сочинений и играл в карты, и — одно время — весьма счастливо. Хорошо ли играть в карты? — это уже другой вопрос. Много почитаемых и уважаемых людей играют в карты, и это не мешает им быть почитаемыми и уважаемыми в обществе. Клевета не касается их имени. По крайней мере деньги, выигранные Некрасовым у людей, которым ничего не стоило проиграть, были им употребляемы уже гораздо лучше, чем деньги, выигранные другими. На деньги Некрасова много поддерживалось не мало неимущих людей, много развилось талантов, много бедняков сделалось людьми*.

Не будем же укорять поэта за эту общую многим натурам, и иногда натурам недюжинным, слабость, тем более, что у Некрасова это было скорее средство развлечения или отвлечения от тягостных дум, чем страсть. Развилась она в нем в ту пору, когда он был болен, хандрил, собирался умирать, и натура его жаждала сильных ощущений, могущих отвлечь его от обычно терзавших его тогда грустных мыслей, с которыми он не мог справиться.

Он писал тогда:

Тот роковой, напрасный пламень
 Дымясь сожигает грудь,
 И рад я, если кто-нибудь
 В меня с презреньем бросит камень.
 Бедняк! И из чего попрад
 Ты долг священный человека?
 Какую подать с жизни взял
 Ты — сын большо́й большо́го века?..
 Когда бы знали жизнь мою,
 Мою любовь, мои волнения...
 Угрюм и полон озлобленья,
 У двери гроба я стою...¹⁵

Не будем упрекать покойного за то, что, ища отвлеченья от грустных дум и болезненных ощущений, он прибегнул не к истинному лекарству, а к сильному паллятивному средству. Не будем укорять его, тем более, что

* Мне говорили, что Некрасов, несмотря на продолжительные и невыносимые страдания, предшествовавшие его смерти, успел составить самое подробное завещание. Он обязал наследников своих не прекращать выдач прежним пенсионерам и выдать такие пособия нескольким другим недостаточно известным ему людям¹⁵.

в душе своей он укорял себя искренно, с беспощадною строгостью, для каковой и враг его не смог бы с такою строгостью найти в нем соответствующей вины...

Что враги? Пусть клеветуют язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!¹⁷

Охоту Н. А. любил гораздо более, и летом в деревне, конечно, забывал о картах. В Петербурге же искусственная жизнь создала и искусственные привычки...

Отчего клевета не обходила его? Он имел громадный талант и, кроме того, во вторую половину жизни — деньги. Как, и то, и другое!! Многие не могут переносить этого. Им как будто обидно, точно талант и деньги отняты у них... и они, многие, негодуют на такое совмещение благ... Почему негодуют? — не могу понять! * Скорее бы радоваться, особенно когда вспомнишь о том, как неприглядны были ранние дни жизни Некрасова. Он испытал не мало бедствий: и крайнюю бедность, и совершенную изолированность в те самые годы, когда люди начинают развиваться и нуждаются в нравственной и материальной помощи. Тогда он был совершенно один в Петербурге. А затем сколько лет трудовой, можно сказать, труженической жизни: да, у него действительно (я это знаю, и не я один) бывали дни, подобные тем, о которых он говорит в одном своем стихотворении:

Помнишь ли день, как больной и голодный
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил,
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму...¹⁹

В заключение, всем интересующимся личностью Некрасова, я беру смелость сказать: «Бросьте свои сомнения; перестаньте слушать разные небывлицы и клеветы, и верьте, что ваш поэт был тем, чем рисует вам его воображение и что подсказывает сердце. Те чувства, которые он пробуждал в нас своими стихами, он ощущал их, без сомненья, сам, и ощущал в те самые минуты, когда передавал эти чувства бумаге. Это был поэт искренний, человек простодушно добрый и, что бывает весьма редко, человек, не заботящийся о завтрашнем дне, когда сегодня надо помочь другому.

Тяжелые узы искусственной жизни, жизни, вовсе не подходящей его натуре, долгое время гнели его; хотя, может быть, он сам и не сознавал этого ясно. Но гнёт он ощущал — и вот причина неровностей его характера²⁰.

Достаточной твердости характера он не имел; и сам сознавался в этом и, обращаясь к тени своей любимой матери, молил ее об этом, чтобы она «укрепила» его «волею твердою». Могут, конечно, сказать, что всё, вы сказанное мною о характере Н. А., есть мое личное мнение. Да, но отчего же вышло, однако, так, что в течение тридцати лет моего знакомства с ним я не переменил о нем моего мнения?

Говорили и говорят многие (даже учителя в учебных заведениях своим ученикам), что Некрасов, выражая в своих стихотворениях трогатель-

* Не потому ли, что так горячо выражал в своих произведениях поэтическую скорбь в разных людских..., он жил, между тем, сам так, как живут достаточные люди, не испытывая материальных лишений.

Но тогда надо негодовать на нас всех. Все мы искренно скорбим о людских бедствиях, а живем между тем сами, как живут люди с достатком¹⁸.

ное и горячее расположение к крестьянам, в сущности относился к ним как суровый и требовательный помещик. Эту клевету весьма легко опровергнуть. Некрасов покинул деревню почти мальчиком и провел, можно сказать, почти всю жизнь в Петербурге. Первые годы он бедствовал, потому что отец, рассердившись на него за то, что он не поступил в Кадетский корпус²¹, совершенно перестал заботиться о его нуждах. Когда же Некрасов встал на ноги и сделался известным, он помирился с отцом, но оставался жить в Петербурге, занятый своими литературными делами. После смерти отца следовавшую ему часть недвижимого наследства он предоставил своим братьям. Из этого ясно, что он никогда не мог находиться в отношении крестьян в положении помещика или владельца, от которого они бы зависели.

В действительности же он действительно очень любил простого русского человека, крестьянина, как я поминал выше, и может быть с ним провел много приятных дней и часов своей жизни. Во время его смертельной болезни, в качестве прислуги, при нем состоял крестьянин, который и спал в одной комнате (в которой он должен был поддерживать очень высокую температуру) с умирающим. Разумеется, он был щедро вознагражден по распоряжению Некрасова²².

Последние годы своей жизни Н. А. был редактором «Отеч. Записок». Жена его мне говорила, что он выдавал ежегодно до... <недописано> рублей на пособия и пенсию разным лицам. Я этому слепо верю. Судя по этой цифре, можно было бы думать, что после него осталось большое состояние, а между тем доставшееся жене и братьям имущество оказалось вовсе незначительным.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Из стихотворения «Застенчивость» (1852).

² Из стихотворения «На родине» (1855).

³ Из стихотворения «Муза» (1851).

⁴ Сохранившиеся конторские книги находятся ныне в ИЛИ. О них см. в публикации С. Рейсера в третьем некрасовском томе настоящего издания. «Расписки получателей» использованы В. Е. Евгеньевым-Максимовым в статье: «Практичность» Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» (по неизданному архиву конторы «Современника»). — «Вестник Европы» 1915, № 4.

⁵ Очевидно, И. А. Панаев имеет в виду биографию Некрасова, составленную А. Голубевым и помещенную в его книге «Н. А. Некрасов», СПб., 1878.

⁶ Восьмистишие 1860 г.

⁷ Панаев пишет о бывшем лакее Некрасова Василии Матвееве: ему, а в случае его смерти — его жене, в завещании поэта была назначена пожизненная пенсия в 600 р. в год; см. «Новый Мир» 1931, № 4, 192.

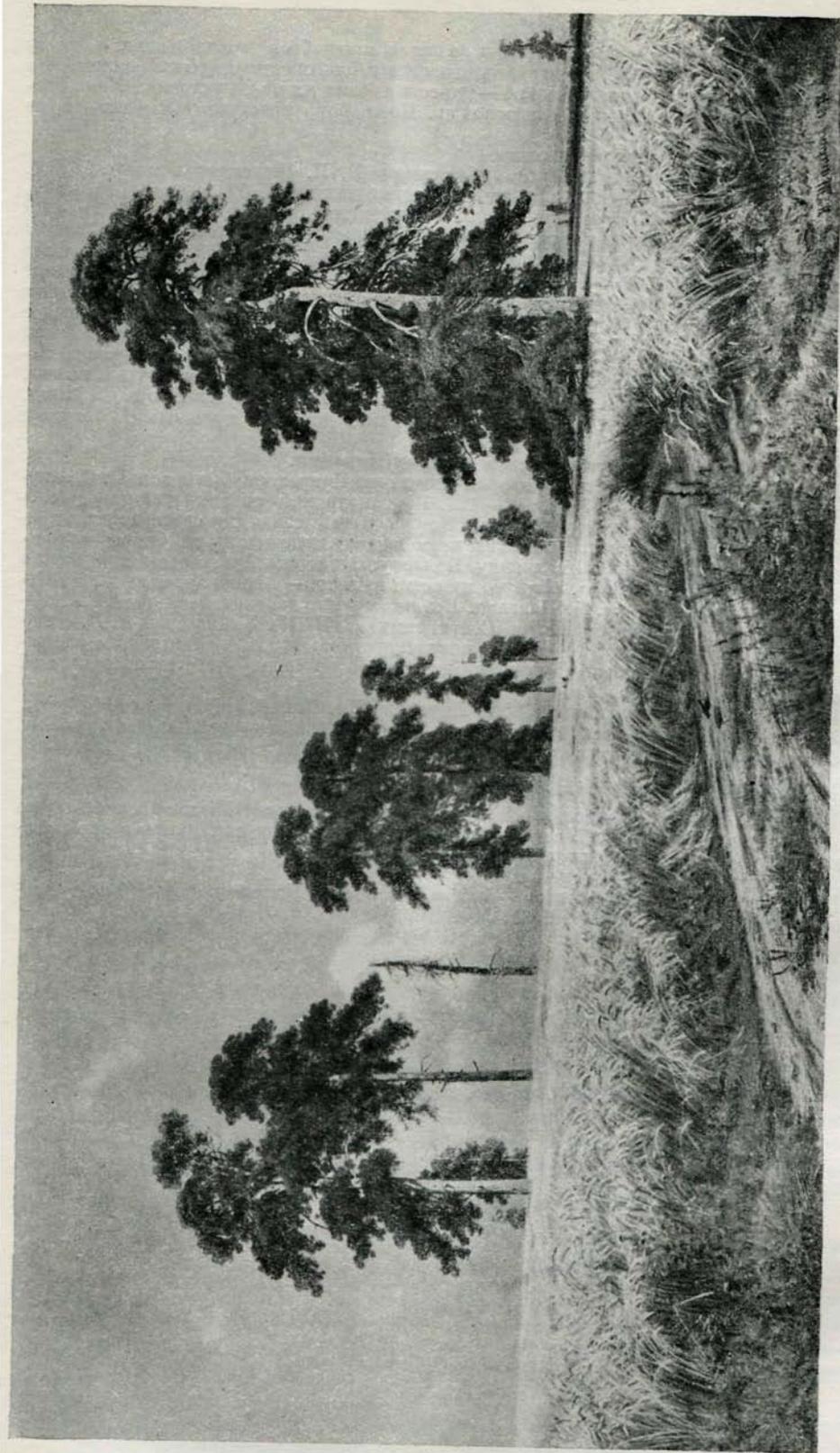
⁸ В конторских книгах «Современника» неоднократно встречаются записи такого рода: «Да еще по словам г. Вейнберга, выдано в счет Шекспира Н. А. Некрасовым на книги...» (1858—1859); «Н. А. Некрасовым выдано еще в счет Шекспира, по записи о сделанных им выдачах и по словам Вейнберга...» (т а м ж е); «По словам г. Михайлова, Н. А. Некрасов сосчитался с ним окончательно на дому» (т а м ж е); «Кроме того, по словам г. Михайловского, получено им в конце 1859 г. от Н. А. Некрасова в разное время...» (т а м ж е), и т. д.

⁹ Отсюда и до абзаца: «Вообще выдачи из кассы...» — текст в рукописи зачеркнут. Он послужил основой для указанной в предисловии к настоящей публикации статьи Ип. Панаева в «Новом Времени».

¹⁰ Речь идет о Н. В. Успенском. Первоначально он получал ежемесячно по 50, а впоследствии по 75 р. (Ип. Панаев пишет лишь об этой второй цифре). Эти выдачи производились с января 1859 г. до конца 1860 г.

¹¹ К. И. Чуковский весьма правдоподобно предполагает, что речь идет здесь о письме Ник. Успенского, хранящемся ныне среди бумаг Ип. Панаева в ИЛИ («Рассказы о Некрасове», 1930, 18). Привожу по автографу отрывок письма, помеченного — «Париж 9 июня 1861 г. н. ст.»:

«Почтеннейший Ишполит Александрович! Еще раз благодарю вас за все ваши хлопоты касательно меня и извещаю, что я, живо проникнутый сознанием своих долгов спешу их очистить с моей души, а для этого твердо решился ехать скорей в Россию и работать, поселившись где-нибудь в деревне. Прошу вас выслать мне на дорогу денег. Передайте

РОЖЬ

Картина маслом И. И. Шишкина, 1878 г.

Третьяковская галерея, Москва

Некрасову мою искреннюю благодарность за его ко мне доброе расположение; я прошу у него извинения, если я не так воспользовался его благородным предложением, что я растратил денег более, чем бы нужно — то-есть тратил их не по условию. Меня подкрепляет надежда, что я вскоре расквитаться. Пора, пора приступить к расплате, не правда ли?»

¹² Это письмо Некрасова неизвестно.

¹³ Эту сумму называет сам Некрасов в письме к В. П. Гаевскому в марте 1876 г. (Собр. соч., 1930, V, 568). Н. С. Апушкин приводит данные К. И. Чуковского о том, что права на издание «Современника» были уступлены Некрасову А. Я. Панаеву за 14 000 р. («Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова», 1935, 303). Однако в ИЛИ (фонд б. Некрасовского музея) хранится следующая расписка А. Я. Панаевой: «1865 года, февраля 21 дня, я, нижеподписавшаяся, сим свидетельствую, что я получила от Некрасова: 1. Пять тысяч руб. сер. наличными деньгами. 2. На 34 т. р. сер. заемных писем д. ст. сов. Абазы, переведенных г. Некрасовым на мое имя, и 3. Контракт с обязательством со стороны г. Некрасова уплатить мне 9 т. р. сер. в три срока, и затем никаких претензий, как по журналу «Современник», так и по другим расчетам с г. Некрасовым, не имею. Вдова коллежского секретаря Авдогья Яковлева Панаева». (Не издано.) Таким образом, 14 000 р.— это сумма, выданная наличными деньгами, общая же сумма — более 48 000 р. (так как сюда надо добавить проценты по заемным письмам).

¹⁴ См. прим. 1 к предисловию к настоящей публикации.

¹⁵ Текст завешания Некрасова, о котором упоминает Панаев, опубликован Н. С. Апушкиным в «Новом Мире» 1931, № 4, 191—192. Первоначально сноски начинались следующими словами: «Недавно я узнал, что Некрасов до самого дня своей смерти оказывал ежемесячное пособие двум неизвестным недостаточным лицам, близко известным (sic!) покойному Ивану Ивановичу Панаеву. Николай Алексеевич при жизни ничего не говорил мне об этом». «Близко известные» лица — очевидно, мать И. И. Панаева, Марья Акимовна, и А. Я. Панаева. Неоднократные денежные выдачи М. А. Панаевой отмечены в конторских книгах «Современника» (ИЛИ). У покойной Е. В. Базилевской нам пришлось читать (в 1941 г.) неизданное письмо М. А. Панаевой к Некрасову, написанное вскоре после смерти И. И. Панаева по поводу денежной помощи ей из редакции «Современника».

¹⁶ Из стих. «Поэт и гражданин» (1856). Выделено Ип. Панаевым.

¹⁷ Из стих. «Рыцарь на час» (1860).

¹⁸ Отнесенные в сноску строки написаны на полях приблизительно против этого места основного текста.

¹⁹ Из стих. «Еду ли ночью по улице темной» (1847).

²⁰ Первоначально в рукописи это место было написано так: «К сожалению, он не имел силы разорвать эти узы, своевременно освободиться от них и нравственно независимым уйти в свою естественную среду».

²¹ Неточно: в Дворянский полк.

²² Вероятно, Никанор Афанасьев — ему в завещании Некрасова назначено одновременно 2000 р. («Новый Мир» 1931, № 4, 192).